

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

В.И. Карасик

**МОДУСЫ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
«ТРАГЕДИИ
О КОРИОЛАНЕ»
У. ШЕКСПИРА ***

В статье предлагается развитие герменевтического подхода к интерпретации драматического текста на материале «Трагедии о Кориолане» У. Шекспира. Предложенная модель включает двойную систему координат: рассмотрение сюжета с позиций узнавания, постижения и формирования установки, с одной стороны, и его семантическое, прагматическое и стилистическое объяснение, с другой стороны. Применение такого подхода к пониманию рассматриваемой трагедии позволяет на уровне узнавания определить тему этого произведения, его жанровую специфику и установить характеристики его основных героев. Трагедия Кориолана состоит в сознательном отрыве сильной личности от действительности и утрате ответственности со стороны тех, кто должен был прийти герою на помощь.

Ключевые слова: *филологическая герменевтика, интерпретация текста, «Трагедия о Кориолане», узнавание, постижение, формирование установок.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-4-12-28

Карасик Владимир Ильич – докт. филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков.
E-mail: vkarasik@yandex.ru

© Карасик В.И., 2020 г.

Интерпретация текста представляет собой важнейшую процедуру его освоения и включает основные этапы понимания, отмеченные в исследованиях по филологической герменевтике – узнавание, постижение и применение [Богин, 1986; Брудный, 1998]. На каждом из этапов осмысление текста разворачивается в нескольких векторах. Можно выделить три базовых модуля такого осмысления: определение проблематики произведения, установление оценочного позиционирования и описание его стилистики. В семиотическом плане проблематика произведения соотносима с семантикой коммуникативного образования, его тематикой, сюжетной организацией, контекстуальной обусловленностью, требующей толкования. Прагматика текста сводится к пониманию его побудительного потенциала, т.е. к выявлению его воздействия на адресата с учетом типов интерпретаторов и тех ценностных ориентиров, которые этим типам свойственны. Речь идет об идеологическом содержании текста. Стилистический модуль интерпретации состоит в поиске способов выдвижения значимых идей, в определении вербальных приемов раскрытия смыслов. Различные подходы к интерпретации текста неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Долинин, 1985; Кухаренко, 1992]. Вместе с тем специфика интер-

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».*

претативных модусов на разных этапах осмысления текста еще не была предметом специального изучения.

В основу выполненной работы положено предположение о том, что интерпретативные модусы характеризуются своеобразием на каждом из этапов понимания текста. Рассматриваются художественный нарратив – пьеса У. Шекспира «Трагедия о Кориолане» [Shakespeare, 2006; Шекспир, 1997]. Следует отметить, что интерпретативные модусы могут быть установлены применительно к разным типам дискурса, но специфика такой интерпретации заслуживает отдельного изучения.

Трагедия о Кориолане, созданная предположительно в 1608 г. и опубликованная посмертно, посвящена античному герою, беззаветно защищавшему древний Рим, но затем объявившего войну своему городу. В основе сюжета лежит история римского полководца Гая (Кая) Марция, о котором поведал Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» [Плутарх, 1964]. Этот легендарный герой жил в V в. до н.э. и прославился особым бесстрашием, бескорыстием и чрезвычайным высокомерием, которое этот аристократ проявлял по отношению к плебеям. В то время римляне вели постоянные войны с соседним италийским племенем вольсков. В сражении под городом Кориолы Марций проявил особую храбрость, ворвавшись с небольшой группой воинов в крепость, и за это был удостоен почетного прозвища Кориолан. Его выдвинули на должность одного из руководителей Рима, он согласился и даже пошел ради этого на некоторые унижения. Но его политические оппоненты провокационно толкнули его на презрительные публичные высказывания о плебеях, в результате чего его сначала приговорили к казни, а затем выслали из Рима. Марций отправился к вольскам и, придя в дом к их военачальнику, с которым он неоднократно встречался на поле боя, предложил своему бывшему врагу свою помощь в нападении на Рим. Тот с радостью принял это предложение, началась война, в ходе которой римлян ждало сокрушительное поражение. Римские сенаторы послали своих представителей, включая старых соратников Кориолана, на переговоры с ним. Он отверг любые условия прекращения войны. Но затем в стан вольсков с такой просьбой пришли его мать и жена, и герой согласился на заключение мира. Командующий войсками вольсков расценил это как предательство, и хотя его армия с восторгом относилась к Кориолану, организовал убийство героя. Вместе с тем он приказал похоронить своего союзника со всеми почестями.

На уровне первичного осмысления сюжета – семантический аспект – мы определяем его тему (гордость сильной личности, переходящая в гордыню), жанровую принадлежность (трагедия на историческую тему), выстраиваем основные линии его развития (подвиги героя, его выдвижение на выборную должность, провокация против него, его союз с врагом для мести обидчикам, его уступка просьбам матери и жены, его убийство) и получаем общую характеристику основных действующих лиц.

Прагматическое осмысление оценочных позиций основных действующих лиц показывает нам непримиримое противостояние патри-

циев и плебеев, войны и мира, страсти и рациональности. Аристократы уверены в том, что они являются лучшей частью общества и должны пользоваться привилегиями по праву рождения. В самом начале один из патрициев, друг главного героя Менений приводит старинную басню рассердившимся горожанам, которые упрекают власти за несправедливое распределение благ:

*Однажды в человеке части тела
Восстали против чрева, утверждая,
Что будто бы оно, как омут в теле,
Всю пищу поглощает, а само,
Ленивое, не занято работой,
Меж тем как все другие члены тела
Глядят, изобретают, слышат, ходят
И осязают, учат, принимая
Взаимное участие в стремленьях
И склонностях всего живого тела;
А чрево им ответило.....
«Друзья-сочлены, вы сказали правду:
Я принимаю общий харч сначала,
Которым вы живете. Так и надо:
Для тела я и лавка и амбар.
Но помните: я рассылаю соки
По всем рекам, несущим кровь по телу,
И к сердцу во дворец, и к трону – мозгу.
Через все проходы тела и извивы,
От крепкой мышцы до последней жилки, –
Всё получает силу от меня,
Чтоб жить»....
Сенаторы – разумнейший живот,
Вы ж – члены непокорные. Лишь стоит
Вам оценить их доброе усердье,
Заботы их об общем нашем деле –
И согласитесь вы, что благо всех
Всегда исходит и приходит только
От них, а не от вас.*

Риторическое мастерство высоко ценилось в Риме: опытный оратор мог словом усмирить разбушевавшуюся толпу [West, Silberstein, 2005]. Можно увидеть, что патриций использует манипулятивный прием воздействия на своих слушателей, но при этом демонстрирует к ним снисходительное презрение.

Плебеи идут на бунт, поскольку они не в силах выдержать томительный голод. Не случайно в первом акте один из горожан говорит:

Готовы ли вы скорее умереть, чем голодать?

Отметим, что классовая ненависть в современном постиндустриальном обществе приобретает преимущественно символический характер: людей в первую очередь раздражает демонстративная роскошь хозяев жизни, а не физическое мучение от отсутствия пищи. Впрочем, и в

наши дни в некоторых странах люди, которых жизнь столкнула в пропасть крайней нужды, до сих пор голодают или становятся рабами.

Стилистический аспект первичного понимания рассматриваемой трагедии заключается в выделении важнейших способов выражения характеристик ее персонажей.

Марций обращается к плебеям с издевательской угрозой:

*Мятежный сброд, зачем,
Чесотке умыслов своих поддавшись,
Себе вы струпья расчесали?*

Бедняки названы сбродом, их протест сравнивается с болезненным зудом, с которым они не в силах справиться, при этом четко выражена мысль о том, что этот мятеж принесет вред самим мятежникам в первую очередь.

Речь главного героя насыщена оскорблениями, обращенными к толпе:

*Что нужно вам, дворнягам,
Ни миром, ни войною недовольным?
В вас страх война вселяет, наглость — мир.
Чуть в вас поверь, так вместо лис и львов
Найдешь гусей и зайцев.*

Марций сравнивает плебеев с бездомными псами, которым свойственны страх и наглость.

Патриции сообщают главному герою о нашествии врагов во главе с его давним противником – Авфидием. Главный герой признает, что Рим ждут суровые испытания и отмечает доблесть своего противника:

*Завидую я доблести его
И только им, когда б я не был Марций,
Хотел бы стать.*

Воинская доблесть считалась в Риме главным достоинством мужчины.

Мать Марция, Волумния, является воплощением гордой римской матроны. Она гордится своим сыном и говорит его жене:....я охотно позволяла ему искать опасностей – и с ними славы.

Молодая женщина задает своей свекрови резонный вопрос:

А если бы он погиб на войне? Что тогда?

Волумния отвечает:

Тогда сына заменила бы мне его добрая слава, и в ней я обрела бы потомство. Скажу тебе правду: будь у меня двенадцать сыновей и люби я каждого из них столь же горячо, как нашего славного Марция, я легче бы смирилась с доблестной смертью одиннадцати за отечество, чем с трусливой праздностью двенадцатого.

Слава, полученная в боях, – дороже жизни, это высшая ценность патрицианского сообщества.

Важной характеристикой главного героя является его полное презрение к материальным ценностям. Он гневно высмеивает своих солдат, которые занялись грабежом в захваченном городе:

*Взгляни, ну и вояки! Им дороже
Истертый грош, чем время. Бой не кончен,
А эти низкие рабы уж тащат
Подушки, ложки, хлам железный, тряпки,
Которые палач зарыл бы в землю
С тем, кто носил их. Перебить мерзавцев!*

Материальные ценности, как известно, – это основа обиходного благополучия. Но главному герою нужно нечто большее – великая слава, которая уподобляет его бессмертным богам.

Более всего аристократы боятся проявить слабость и страх. Вернувшись из боя, Марций говорит своему главному военачальнику:

*Лишь нобили сражались,
Плебеи же – чума на них! – бежали.
И вот таким еще дают трибунов!
Не удирали так от кошки мыши,
Как этот сброд от худших, чем он сам,
Мерзавцев.*

В оригинале сказано:

*But for our gentlemen,
The common file – a plague! tribunes for them! –
The mouse ne'er shunn'd the cat as they did budge
From rascals worse than they.*

Представители аристократического сословия названы джентльменами, это слово в русском не передает в достаточной мере значения классового превосходства, которое присуще ему в этом контексте, и поэтому переводчик находит точное обозначение «нобили», противопоставленные плебеям, в оригинале – шеренге простых людей. В древнем Риме нобилитет включал аристократов и богатых плебеев, но в данном случае имеются в виду именно потомки патрициев.

Раненый в бою Марций возвращается с победой и в ответ на громкую похвалу говорит:

*Совершил я Для родины, как вы, лишь то, что мог.
Любой, кто, жизни не щадя, сражался,
Делами равен мне.*

Мужество сочетается со скромностью. Его военачальник Коминий находит более значимую для героя награду, чем трофейные сокровища, и дает ему почетное прозвище – Кориолан, в честь победы, одержанной у города вольсков Кориолы.

Марций великодушен. Значима его просьба:

*Один бедняк когда-то в Кориолах
Мне оказал гостеприимство. Видел*

*Сегодня я, как он, попавши в плен,
Взывал ко мне, но в эту же минуту
Заметил я Авфидия, и смолкла
Пред злобой жалость. Дай ему свободу.*

Шекспир реалистичен в описании характера главного героя, в нем сочетаются храбрость и великодушие, с одной стороны, и предельное высокомерие по отношению к простым людям, с другой стороны.

Весь первый акт трагедии является развернутой экспозицией к ее основному содержанию. Марция выдвигают на престижную должность консула – одного из двух выборных руководителей в древнеримской республике. По традиции кандидат в консулы должен был собрать голоса римлян, представ перед ними в простых одеяниях. Марций неохотно соглашается с этим предложением, можно видеть, что боевая слава для него гораздо дороже власти.

Заслуживают внимания высказанные второстепенными персонажами мнения о простом народе: *...если народ любит без причины, то и ненавидит без основания. Кориолан это понимает; ему все равно – любит его народ или ненавидит. А так как он человек благородный и прямой, то он этого и не скрывает.*

Кориолана избирают консулом. Но представители плебеев, народные трибуны, подстрекают толпу выразить недоверие герою. Марций обращается к сенаторам:

*Достойные друзья, меня простите,
Но черни смрадной и непостоянной
Я льстить не в силах. Пусть она увидит
Себя в моих речах. Я повторяю,
Что, потакая ей во зло сенату,
Мы сами сеем сорную траву
Бесчинств и бунтов, для которой почву
Вспахали и удобрили мы сами,
Себя поставив с чернью наравне,
Смешавшись с ней и поступааясь властью
В угоду подлым нищим.*

Такая прямолинейность непростительна для политика. Обратим внимание на оценочные характеристики плебеев в устах аристократа: это зловоние и непостоянство, отсюда вытекают выводы о нормах телесного и социального порядков в древнем Риме для аристократов (поддержание чистоты и следование выработанным принципам).

Мать Марция более честолюбива, чем ее сын. Она убеждает его продемонстрировать показное смирение, чтобы завоевать необходимые голоса. Показателен диалог героя с матерью:

Волумния: *Мой сын,
Сперва облечься нужно в пурпур власти,
А уж потом изнашивать его.*
Кориолан: *К чему беречь лохмотья!*

Волумния: *Ты бы мог
Остаться тем, чем создан, если б меньше
Врагам стремился это показать.
Их ненависть к тебе была б слабее,
Сумей ты скрыть намеренья свои
До дня, когда уже никто не смел бы
Тебе мешать.*
Кориолан: *На виселицу чернь!*
Волумния: *И даже на костер.*

В итоге Кориолан все же соглашается выйти на площадь и встретиться с народом:

*Утешься, мать. Я выйду
На рыночную площадь и любовь,
Как шут кривляясь, выклянчу у плебса
И возвращусь, его сердца похитив,
Кумиром римских лавочников.*

Кориолан избран консулом, но его оппоненты, представляющие интересы плебеев, организуют бунт народа против героя. Марций презрительно обращается к народным трибунам:

Кориолан. *Вот ваше стадо!
Вот что бывает, если голос дать
Тем, кто от слов своих готов отречься!
Куда ж трибуны, глотки черни, смотрят?
Зачем не сжали зубы ей? Иль сами
Их наострили?
Тут заговор умышленно устроен,
Чтоб волю плебса знати навязать.
Что ж, покоритесь, поживите с теми,
Кто неспособен властвовать, но власти
Не признает.*
Брут. *Тут заговора нет.*
*Народ кричит, что ты над ним глумился,
Что порицал раздачу хлеба даром,
Что обзывал защитников народа
Подлизами и недругами знати.*
Кориолан. *Давно известно это всем.*

Герой называет трибунов глотками черни и характеризует массы как тех, кто не признает власти, но и не может стоять во главе Рима. Народный трибун упрекает Марция в том, что тот открыто глумился над бедняками и их представителями. Отметим: трибун требует проводить раздачу хлеба даром. Реалистично показаны мотивы поведения трибунов: они выступают за признание права простого народа на достойную жизнь, но вместе с тем отчетливо понимают, что консул ставит под сомнение их статус как выборных представителей плебеев. Они защищают своё право участвовать в политической жизни Римской республики. В результате умело организованного трибунами бунта народ требует наказать новоизбранного высокомер-

ного консула – предать его смерти, сбросив с Тарпейской скалы (отвесная скала с западной стороны Капитолийского холма, по традиции оттуда сбрасывали приговоренных к смерти преступников, которые совершили предательство, инцест или побег, такая казнь считалась позорной). Но с учетом боевых заслуг Марция казнь заменили изгнанием из города. Стоя у ворот города, Кориолан говорит, обращаясь к родным и друзьям:

*Не плачьте. Пусть прощанье будет кратким.
Скотом бодливым и многоголовым
Из города я вытолкнул.*

Можно видеть, что он не признает себя неправым и называет плебеев скотом. Его мать проклинает тех, кто заставил ее прославленного сына покинуть Рим:

*Да истребит
Багровая чума весь римский люд
Торговый и мастеровой!*

Интересно отметить, что объектом этого проклятия выступают не нищенствующие плебеи, которых в дальнейшем называли пролетариями, не имеющими никакой собственности, но мелкие торговцы и ремесленники. В ответ Марций произносит пророческие слова:

Когда исчезну я, меня оценят.

Так в дальнейшем и произошло.

Марций приходит в город вольсков и направляется в дом его главного соперника Авфидия. Представ перед своим врагом, Марций предлагает ему свою помощь в войне с Римом:

*Коль в сердце ты еще скрываешь гнев
И хочешь мстить как за свои обиды,
Так и за унижение отчизны
Спеши использовать мои несчастья,
Поставь себе на службу жажду мщенья,
Которой я пылаю, ибо буду
С остервененьем злых подземных духов
Я биться против родины прогневшей.*

Кориолан говорит искренне и дает обещание жестоко отомстить Риму. Показательно определение: «прогневшая родина». Немного ранее герой констатирует, что был изгнан из города из-за «трусливой бездельности знати».

Авфидий сразу же принимает предложение своего бывшего врага, его ненависть переходит в сердечную дружбу:

*Сжимаю
Я наковальню моего меча
В объятьях и отныне состязаясь
С тобою в благородной пылкой дружбе,
Как некогда с тобой из честолюбья
Я в доблести соперничал.*

Заслуживает внимания то, что источником военного противоборства было честолюбие, т.е. желание прославиться.

Слуги Авфидия комментируют эту новость, обсуждая перспективы скорой войны вольсков с римлянами. Одна из особенностей трагических нарративов Шекспира состоит в том, что в них находит место едкая ирония великого драматурга по поводу человеческой природы:

Второй слуга. *Что хорошего в мирном времени? Только железо ржавеет, портные разводятся да стихоплеты плодятся.*

Первый слуга. *Да и я скажу: война – лучше мира, как день лучше ночи. Во время войны живешь весело: то тебе новый слух, то новое известие. А мир – это вроде спячки или паралича: скучно, пусто, тоскливо.*

Для современников Шекспира война была опасным и тяжелым испытанием, поэтому такие реплики они встречали с горькой улыбкой. Особенно значима фраза о рифмоплетах, к которым и автор несомненно себя относил.

Очень реалистично показана реакция горожан, узнавших о том, что войска вольсков во главе с Марцием идут войной на Рим:

Мы ведь думали сделать, чтобы всем было лучше, и хоть соглашались его изгнать, но в душе-то были с этим не согласны.

Трусость показана как главное качество плебеев.

Глава вольсков Авфидий понимает, что Марций становится чересчур популярным в его армии и принимает решение поставить на место своего надменного союзника:

*О Кай, как только Рим возьмешь ты свой,
Я верх возьму, несчастный, над тобой.*

В этом двустишии особенно значимо определение «несчастный»: Шекспир показывает героя как заложника безжалостной судьбы.

Римляне посылают патрициев, друзей Марция, в стан вольсков, чтобы попросить его прекратить военный поход против Рима. Тот отвечает категорическим отказом. Консул Коминий рассказывает друзьям о встрече с героем:

*Его просил я пожалеть друзей.
Он возразил, что недосуг ему
Перебирать прогнившую мякину.*

Найден точный образ для характеристики сената: гниль. Его друзья не смогли спасти его от позорного бесславного изгнания. Он не чувствует долга перед ними. Марций отказывается говорить со старым сенатором Менением, который был ему очень дорог (согласно легенде герой был воспитан без отца). Последними просителями из Рима оказываются его мать и жена с маленьким сыном. Мать становится перед ним на колени, умоляя пощадить Рим, но Марций непреклонен:

*Не отступлюсь я от того, в чем клялся.
Не требуй, чтобы распустил я войско*

*Иль с подлыми мастеровыми Рима
Покончил дело миром, не тверди,
Что я бесчеловечен, и не пробуй
Взывать к рассудку, чтобы охладить
Мой гнев и жажду мести.*

Он напоминает, что дал клятву и заранее отвергает упреки в бесчеловечности. Заметим: и в этой реплике названо основное занятие плеев: мастеровые.

Волумния, мать героя, находит верные аргументы для того, чтобы убедить сына поступить благородно и проявить милосердие к Риму:

*Когда б мы римлян пощадить просили
На гибель вольскам, чей слуга ты ныне,
Ты был бы вправе упрекнуть нас в том,
Что честь твою мы ядом отравляем.
Но молим мы тебя лишь примирить
Враждебные народы, чтобы вольски
Могли воскликнуть: «Мы явили милость!».
А римляне: «Мы приняли ее!»,
Чтоб обе стороны тебя встречали
Приветом общим: «Будь благословен,
Ты, что принес нам мир!»*

Этот довод оказывается решающим. Кориолан говорит:

*О мать,
Что сделала со мною ты! Взгляни,
Разверзлось небо, и со смехом боги
На зрелище неслыханное смотрят.
О мать моя! Счастливую победу
Для Рима одержала ты, но знай,
Что сына грозной, может быть, смертельной
Опасности подвергла. Будь что будет!
Авфидий, заключу я мир почетный,
Раз не могу войну вести как надо.
Скажи, сумел бы ты, Авфидий добрый,
Когда б со мною местом поменялся,
Остаться твердым, матери не внять
И ей не уступить? Скажи, Авфидий.
Авфидий. Я тоже был растроган.*

Авфидий согласен с решением Марция, поскольку в результате такого поступка престиж Кориолана резко упадет среди вольсков. Созревает план обвинить Марция в предательстве. Марцию в лицо брошено обвинение:

*Отцы народа, главы государства,
Он вероломно предал ваше дело
И матери с женою уступил
Ваш Рим (да, ваш!) за каплю слез соленых.*

Марция убивают, но понимая, что это был славный герой, его труп с почетом выносят лучшие вожди вольсков.

Обратимся к осмыслению этой трагедии на уровне постижения ее смысла.

В семантическом плане полезной оказывается дополнительная информация, взятая из исторических источников (войны латинян со своими соседями, вражда между патрициями и плебеями в Риме, нравы античных политиков и воинов). Существенное уточнение этого сюжета мы можем получить из работ зарубежных и отечественных шекспироведов [Аникст, 1963; Muir, 1964; Морозов, 1964; Урнов, 1964; Burke, 1970; Calderwood, 1970; Пинский, 1972; Шведов, 1975; Fish, 1976; Комарова, 1979; Bristol, 1987; Sorge, 1987; Микеладзе, 2006]. Античные сюжеты были активно осмыслены великим британским драматургом [Burrow, 2013; Cantor, 2017]. Справедливо отмечено, что «Кориолан», «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра» образуют трилогию и повествуют о трагедии не только индивидуальных героев, но всего политического сообщества древнеримской цивилизации. Подчеркивается прямая связь ситуации, показанной в пьесе, с событиями в Англии тех времен. В частности, именно в Англии имели место голодные бунты, вызванные жадностью землевладельцев.

Если культура представляет собой концентрированное выражение ценностей, то драматический нарратив строится как их столкновение. Объяснение такого столкновения и составляет прагматический аспект толкования текста. Трагедия о Кориолане посвящена одной из самых сильных страстей, разъедающих душу, – честолюбию. Ю.Ф. Шведов справедливо отмечает, что в отличие от любви, ревности или жадности честолюбие носит отчетливо социальный характер. Исследователи отмечают, что в древних Афинах высокомерное выражение неуважения, обозначаемое словом *hubris* (переводится в зависимости от контекста как «гордость» либо «бесчинство»), считалось преступлением, заслуживающим смертной казни (an insulting air of superiority, deemed punishable by death) [Burke, 1970, p. 532]. В этом плане Кориолан показан как герой, предназначенный для жертвоприношения. Он не боится смерти, самое страшное для него – потеря чести и бесславие. Можно развить эту идею – Марций не способен жить в условиях мира и обыденного течения событий, хотя заметим, что в Древнем Риме мирная жизнь была скорее исключением, чем правилом.

Не подлежит сомнению сходство характеров двух трагических героев – Макбета и Кориолана. Известно, что трагедия о Кориолане была написана после трагедии о Макбете [Шведов, 1975]. Высказано мнение, что семь трагедий Шекспира посвящены определенному пороку – «Гамлет» – леность, «Отелло» – тревоугодие, «Король Лир» – гнев, «Макбет» – гордыня, «Антоний и Клеопатра» – сладострастие, «Кориолан» – зависть, «Тимон Афинский» – сребролюбие [Силецкий, 1991, с. 135]. Можно оспорить тезис о конкретной привязанности того или иного текста к каноническому пониманию конкретных пороков, но не вызывает

сомнения то, что высокомерие является выражением гордыни, а гордыня обычно свойственна тем, кто осознает свои преимущества перед другими, иногда воображаемые.

В работах англоязычных критиков настойчиво проводится мысль о том, что намеренная риторическая бедность речей главного героя этой трагедии свидетельствует о саркастическом отношении Шекспира к «римскому Рэмбо», герою, презрительно оценивавшему умение убеждать сограждан словом [Calderwood, 1970; West, Silberstein, 2005]. При этом отмечено, что Плутарх характеризует Гая Марция как красноречивого оратора, который мог весьма успешно выступать в римском сенате. Анализ пространных высказываний Кориолана (этот герой является одним из самых многословных персонажей в трагедиях Шекспира) свидетельствует о том, что всё его красноречие сводится к речевым актам обещаний и проклятий [Fish, 1976]. В его коммуникативной практике нет места просьбам или похвале. Внимательное прочтение текста трагедии, впрочем, ставит под сомнение это утверждение.

В отечественном шекспироведении судьба Кориолана рассматривается с позиций столкновения интересов личности и народа. Делается вывод о том, что в подобном столкновении личность, какой бы сильной она ни была, неизбежно терпит поражение [Аникст, 1963; Шведов, 1975]. Это в полной мере соответствует важнейшим установкам советской идеологии о роли личности в истории и определяющем влиянии народных масс на ход событий.

Персонажи Шекспира не являются абсолютными негодяями либо ангелами во плоти. Марций способен не только на бесстрашие, выходящее за пределы человеческой природы, но и на великодушие – он готов пощадить своих врагов и даже пойти на унижение, когда его просит об этом его мать. Его ослепляет великая гордость, он чувствует себя наследником легендарных героев, которые принесли Риму бессмертную славу. Его аристократизм в этом плане определяет всё его поведение.

Западные шекспироведы заостряют внимание на его отношениях с матерью, считая, что он навсегда остался ребенком в душе, зависимым от матери (не случайно Авфиций, желая как можно больше оскорбить Марция, называет его «мальчик»). Волумния, мать героя, представляет собой воплощение патрицианской гордости. Вместе с тем ей свойственна хитрость на грани вероломства, которой лишен главный герой. Это дает основания некоторым критикам утверждать, что он уступает ей в интеллектуальном плане. Интересно отметить, что в хрониках имя Волумния носит жена Кориолана, его мать зовут Ветерия. Вряд ли Шекспир об этом не знал. В пьесе жена героя показана как сравнительно мягкое существо. Вероятно, доминирующее влияние матери на формирование характера героя было осмыслено Шекспиром как сравнение матери с судьбой. Ведь именно мать убедила Марция согласиться с предложением стать консулом, и это в дальнейшем привело героя к его гибели.

Вместе с тем обратим внимание на существенное различие сюжетов Кориолана и Макбета: римский герой сам принимает все решения

в своей жизни, часто действует импульсивно, но его нельзя назвать ведомым, в то время как шотландский полководец и кузен короля Макбет является марионеткой в руках своей честолюбивой жены. Значимо и то, что обладание властью как таковой не выступает ведущим приоритетом в судьбе Кориолана. Он стоит над интригами политиков, справедливо понимая, что их поведение не соответствует канонам аристократического благородства. Кориолан – идеалист, играющий в свою любимую игру. Римские сенаторы, выдвигающие его на должность консула, совершают грубую политическую ошибку, полагая, что смогут манипулировать им. Люди такого склада, как Марций, попадая во власть, неизбежно приводят общество к кризису, поскольку неспособны пойти на компромиссы.

Терменевитическая модель истолкования текста завершается действием толкователя. Действие толкователя есть принятие той или иной оценочной позиции. Рассматриваемая трагедия показывает нам вариант политического развития общества. Отклики западных критиков весьма суровы в этом плане. Критики отмечают, что трагедия о Кориолане является самой непопулярной пьесой Шекспира в наши дни. Принято считать, что Шекспир критически относился к демократическому политическому устройству общества. Трагедия о Кориолане рассматривается как апология предельного консерватизма [Suglia, 2019]. Демократия требует умения убеждать массы в правоте тех или иных идей. Тираны поступают более экономно, их основной коммуникативный прием – воздействие путем физической или психической силы, им не нужна аргументация и даже манипуляция. Трагедия Кориолана в психологическом аспекте состоит в том, что он переносит ситуацию вооруженного противоборства, схватки на поле боя на обиходную действительность.

Оценка Кориолана в наши дни особенно интересна с учетом развития современных западных демократий. В откликах на содержание этой трагедии Марция называют фашистом. Показательно мнение одного из анонимных комментаторов в сети: *Трамп – это Кориолан*. Действительно, сильная личность сталкивается с искушением считать себя сверхчеловеком и может презрительно относиться к простым людям. А им, как пронизательно показано в этой трагедии Шекспира, присущи те свойства толпы, о которых писал Г. Лебон: импульсивность, трусость, низость [Лебон, 1995]. Защищая интересы этих людей, современные западные левые интеллектуалы настаивают на приоритетности прав меньшинств, соблюдении норм политкорректности и мультикультурности. Заметим, что Кориолан критикует своих оппонентов избирательно: плебеев он обвиняет в трусости и непостоянстве, народных трибунов – в подлости и интриганстве, сенаторов – в бездействии. На мой взгляд, современное прочтение трагедии о Кориолане – это в первую очередь предупреждение о недопустимости снятия с себя ответственности в политическом устройстве общества. Шекспир обвиняет в первую очередь римский сенат, который мог исправить ситуацию. А в более широком понимании обвинение относится к тем, кто, обладая властью, проявил

безответственность и малодушие. Справедлива английская пословица: *If right is not might, it is evil*. – Если добро бессильно, оно становится злом.

Подведем основные итоги.

Герменевтический подход к толкованию художественного текста может быть представлен как двойная система координат, предполагающая последовательное рассмотрение сюжета с позиций узнавания, постижения и действия, с одной стороны, и семантического, прагматического и стилистического объяснения этого сюжета, с другой стороны. Применение такого подхода к пониманию «Трагедии о Кориолане» У. Шекспира позволяет на уровне узнавания определить тему этого произведения, его жанровую специфику и установить характеристики его основных героев. Прагматическое истолкование содержания этого произведения дает возможность установить основные оценочные позиции, художественно выраженные в репликах героев и логике развития сюжета. Описание стилистических характеристик этой трагедии сводится к определению ведущих языковых способов, используемых для построения художественных образов. На уровне постижения осмысление текста предполагает в семантическом плане знакомство с трудами шекспироведов, а также историков, культурологов и филологов, которые анализировали этот текст и его историко-культурный контекст. Прагматическое истолкование на уровне постижения позволяет увидеть мотивы поведения героев, логику их поступков, закономерности развития их судьбы. Понимание текста на уровне действия предполагает выработку оценочных позиций, связывающих содержание художественного произведения с сегодняшней реальностью. Трагедия Кориолана состоит в сознательном отрыве сильной личности от действительности и утрате ответственности со стороны тех, кто должен был прийти герою на помощь.

Литература

- Аникст А.А. (1963). Творчество Шекспира. М.: Гослитиздат. 615 с.
- Богин Г.И. (1986). Типология понимания текста: учеб. пособие. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та. 88 с.
- Брудный А.А. (1998). Психологическая герменевтика: учеб. пособие. М.: Лабиринт. 336 с.
- Долинин К.А. (1985). Интерпретация текста: (Французский язык): учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение. 288 с.
- Комарова В.П. (1977). Личность и государство в исторических драмах Шекспира. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 224 с.
- Кухаренко В.А. (2002). Интерпретация текста: учебник для студентов филологических специальностей: 3-е изд., испр. Одесса: Латстар. 292 с.
- Лебон Г. (1995). Психология народов и масс. СПб.: Макет. 316 с.
- Микеладзе Н.Э. (2006). Шекспир и Макиавелли: тема «макиавеллизма» в шекспировской драме: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 50 с.
- Морозов М.М. (1964). Статьи о Шекспире: литературная критика. М.: Художественная литература. 312 с.
- Пинский Л.Е. (1972). Шекспир: Основные начала драматургии. М.: Художественная литература. 606 с.

- Плутарх.* (1964). Гай Марций // *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. С.247 – 272.
- Силецкий В.И.* (1991). Терминология смертных грехов в культуре позднего средневековья и Возрождения // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М.: Наука. С. 130 – 137.
- Урнов М.В.* (1964). Шекспир: его герой и его время: литературная критика. М.: Наука. 207 с.
- Шведов Ю.Ф.* (1975). Эволюция шекспировской трагедии. М.: Искусство. 464 с.
- Шекспир У.* (1997). Трагедия о Кориолане: перевод / под ред. А. Смирнова // *Шекспир У. Собр. соч.* в 8 т. Т. 2. М.: Интербук. С. 351 – 512.
- Bristol M.D.* (1987). Lenten butchery: Legitimation crisis in *Coriolanus* // *Shakespeare reproduced. The Text in History and Ideology*. Ed. by J.E. Howard, M.F. O'Connor. New York: Methuen. P. 207 – 224.
- Burke K.* (1970). Coriolanus – and the Delights of Faction // *Essays in Shakespearean criticism*. Ed. by J.L. Calderwood, H.E. Toliver. Englewood Cliff, N.J., Prentice Hall. P. 530 – 547.
- Burrow C.* (2013). *Shakespeare and Classical Antiquity*. Oxford: Oxford University Press. 281 p.
- Calderwood J.L.* (1970). Coriolanus: Wordless Meanings and Meaningless Words // *Essays in Shakespearean criticism*. Ed. by J.L. Calderwood, H.E. Toliver. Englewood Cliff, N.J., Prentice Hall. P. 548 – 559.
- Cantor P.A.* (2017). *Shakespeare's Roman Trilogy: The Twilight of the Ancient World*. Chicago: University of Chicago Press. 302 p.
- Fish S.* (1976). How to Do Things with Austin and Searle: Speech Act Theory and Literary Criticism // *Modern Language Notes*. 91. P. 983 – 1025.
- Muir K.* (1964). Shakespeare and politics // *Shakespeare in a changing world. Essays* ed. by A. Kettle. London: Lawrence & Wishart. P. 65 – 83.
- Shakespeare W.* (2006). *The Tragedy of Coriolanus* // *The Yale Shakespeare. The Complete Works*. Ed. by W.L. Cross and T. Brooke. Published under the Direction of the Department of English, Yale University. New York. Barnes and Noble. P. 1201 – 1247.
- Sorge T.* (1987). The Failure of Orthodoxy in *Coriolanus* // *Shakespeare reproduced. The Text in History and Ideology*. Ed. by J.E. Howard, M.F. O'Connor. New York: Methuen. P. 225 – 241.
- Suglia J.* The poetry of conservatism (an analysis of the @Tragedy of Coriolanus" (William Shakespeare) // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://drjosephsuglia.wordpress.com/2019/01/04/shakespeares-coriolanus-an-analysis-of-the-tragedy-of-coriolanus-by-shakespeare-shakespeares-the-tragedy-of-coriolanus-an-interpretation-commentary> (дата обращения 12.03.2020).
- West M., Silberstein M.* (2005). The Controversial Eloquence of Shakespeare's *Coriolanus* – an Anti-Ciceronian Orator? // *Modern Philology*. Vol. 102, № 3. P.307 – 331.

References

- Anikst A.A. (1963). *Shakespeare's work*. Moscow: Goslitizdat, 615 p. (In Russian).
- Bogin G.I. (1986). *Typology of text understanding: textbook*. Kalinin: Publishing house Kalinin. University, 88 p. (In Russian).
- Bristol M.D. (1987). Lenten butchery: Legitimation crisis in *Coriolanus*. *Shakespeare reproduced. The Text in History and Ideology*. Ed. by J.E. Howard, M.F. O'Connor. New York: Methuen, pp.207 – 224.

- Brudny A.A. (1998). *Psychological hermeneutics: textbook*. M.: Labirint, 336 p. (In Russian).
- Burke K. (1970). Coriolanus – and the Delights of Faction. *Essays in Shakespearean criticism*. Ed. by J.L. Calderwood, H.E. Toliver. Englewood Cliff, N.J., Prentice Hall, pp. 530 – 547.
- Burrow C. (2013). *Shakespeare and Classical Antiquity*. Oxford: Oxford University Press, 281 p.
- Calderwood J.L. (1970). Coriolanus: Wordless Meanings and Meaningless Words. *Essays in Shakespearean criticism*. Ed. by J.L. Calderwood, H.E. Toliver. Englewood Cliff, N.J., Prentice Hall, pp. 548–559.
- Cantor P.A. (2017). *Shakespeare's Roman Trilogy: The Twilight of the Ancient World*. Chicago: University of Chicago Press, 302 p.
- Dolinin K.A. (1985) *Interpretation of the text: (French): textbook manual for students*. Moscow: Obrazovanie, 288 p. (In Russian).
- Fish S. (1976). How to Do Things with Austin and Searle: Speech Act Theory and Literary Criticism. *Modern Language Notes*. 91, pp. 983-1025.
- Komarova V.P. (1977). *Personality and State in Shakespeare's Historical Dramas*. L. Publishing house Leningrad. University, 224 p. (In Russian).
- Kukhareenko V.A. (2002) *Interpretation of the text: a textbook for students of philological specialties*. 3rd ed., Odessa: Latstar, 292 p. (In Russian).
- Lebon G. (1995) *Psychology of peoples and masses*. Saint Petersburg: Maket, 316 p. (In Russian).
- Mikeladze N.E. (2006). *Shakespeare and Machiavelli: the theme of «Machiavellianism» in Shakespeare's drama: abstract thesis*. Moscow, 50 p. (In Russian).
- Morozov M.M. (1964). *Articles about Shakespeare: Literary Criticism*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 312 p. (In Russian).
- Muir K. (1964). Shakespeare and politics. *Shakespeare in a changing world*. Essays ed. by A. Kettle. London: Lawrence & Wishart, pp. 65-83.
- Pinsky L.E. (1972) *Shakespeare: Basic Principles of Drama*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 606 p. (In Russian).
- Plutarch. (1964) Guy Marcius. *Plutarch. Comparative biographies in 3 volumes*. Vol. 1. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, pp. 247-272. (In Russian).
- Shakespeare W. (1997). The Tragedy of Coriolanus. Translation ed. A. Smirnova. *Shakespeare W. Collection of works in 8 volumes*. Vol. 2. M.: Interbook, pp. 351-512. (In Russian).
- Shakespeare W. (2006). The Tragedy of Coriolanus. *The Yale Shakespeare. The Complete Works*. Ed. by W.L. Cross and T. Brooke. Published under the Direction of the Department of English, Yale University. New York. Barnes and Noble, pp. 1201-1247.
- Shvedov Yu.F. (1975). *Evolution of Shakespeare's Tragedy*. Moscow: Art, 464 p. (In Russian).
- Siletskiy V.I. (1991). The terminology of mortal sins in the culture of the late Middle Ages and the Renaissance. *Logical analysis of language. Cultural concepts*. M.: Nauka, pp. 130-137. (In Russian).
- Sorge T. (1987). The Failure of Orthodoxy in Coriolanus. *Shakespeare reproduced. The Text in History and Ideology*. Ed. by J.E. Howard, M.F. O'Connor. New York: Methuen, pp. 225-241.
- Suglia J. The poetry of conservatism (an analysis of the @Tragedy of Coriolanus" (William Shakespeare). Available at: <https://drjosephsuglia>.

wordpress.com/2019/01/04/shakespeares-coriolanus-an-analysis-of-the-tragedy-of-coriolanus-by-shakespeare-shakespeares-the-tragedy-of-coriolanus-an-interpretation-commentary (accessed 12.03.2020).

Urnov M.V. (1964). *Shakespeare: His Hero and His Time: A Literary Criticism*. Moscow: Nauka, 207 p. (In Russian).

West M., Silberstein M. (2005). The Controversial Eloquence of Shakespeare's Coriolanus – an Anti-Ciceronian Orator? *Modern Philology*. Vol. 102, no.3, pp. 307-331.

Vladimir I. Karasik (Moscow, Russian Federation)

Modes of Interpretation of «The Tragedy of Coriolanus» by W. Shakespeare

The paper deals with the hermeneutic approach to drama interpretation on the material of «The Tragedy of Coriolanus» by W. Shakespeare. The offered model includes a two-fold coordinate system: the analysis of the plot from the point of view of its identification, comprehension and attitude formation, on the one hand, and its semantic, pragmatic and stylistic explanation, on the other hand. The application of this approach to understanding of the tragedy in question makes it possible to define the subject of the play, its genre and the main characteristic features of its heroes. This is a semantic aspect of the identification stage of the play. A pragmatic aspect of the identification consists in describing the main evaluative positions of the heroes as expressed in their words and actions. A stylistic aspect of identification allows us to describe the main linguistic means used to create artistic images. The comprehension level of the text analysis viewed semantically is aimed at the reconstruction of its social and historical context explained by scholarly studies of Shakespeare and his epoch. The pragmatic aspect of analysis on the comprehension level is centered around the motives of the characters' behavior, the logic of their actions, and the inevitability of their fate. The stage of action in interpretation corresponds to formation of attitudes to the meaning of the text connected with the present days. The tragedy of Coriolanus is a story about a great person who intentionally cuts off his ties with reality and about people around him who fail to come to rescue and thus make him perish.

Key words: *philological hermeneutics, text interpretation, «The Tragedy of Coriolanus», identification, comprehension, attitudes formation.*

Vladimir I. Karasik – grand Ph.D. in Philology, professor of the department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow; Professor of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin. E-mail: vkarasik@yandex.ru.